

Религиозно-мифологические представления и практики

УДК 82(477)-343

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-126-138

Специфика представлений о планетниках в Карпатском ареале конца XIX – начала XX в.

Мария-Валерия В. Моррис

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, maire.morris87@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринимается попытка провести типологический анализ представлений о планетниках в Карпатском ареале конца XIX – начала XX в. Опираясь на данные собраний полевого материала членов Научного общества им. Т. Шевченко, автор рассматривает былички о планетниках как реализацию сюжета о борьбе двух сторон, где планетник может выступать либо как защитник от градовых туч, либо, напротив, как навлекающее ненастье существо (в противоположность безличной, никак не демонологизируемой стихии), либо в обеих ролях сразу – в зависимости от того, к какому классу персонажей он относится типологически. Отмечая своеобразие карпатского материала по сравнению со смежной польской и южнославянскими традициями, автор проводит типологическую классификацию представленных в полевых материалах начала века персонажей-планетников (рядовые члены сообщества, прибегающие к общеизвестным апотропеическим средствам; магические специалисты; собственно демонологические персонажи) и приходит к выводу о возможном происхождении типологических вариантов планетника не от одного исходного инварианта, а, может быть, напротив, результатом сближения инвариантов, изначально различных и типологически, и диалектологически. Именно дальнейший диалектологический анализ карпатского материала ставится автором во главу угла дальнейших исследований.

Ключевые слова: Карпаты, украинский фольклор, апотропеическая магия, гроза, градовые тучи, славянская демонология, славянская мифология

Для цитирования: Моррис М.-В.В. Специфика представлений о планетниках в Карпатском ареале конца XIX – начала XX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9 (42). С. 126–138. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-126-138

Beliefs concerning *planetniks* in the Carpathian region at the end of the 19th – beginning of the 20th century

Mariya-Valeriya V. Morris

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia,
maire.morris87@gmail.com*

Abstract. In the article, an attempt is made at a typological analysis of Carpathian beliefs regarding planetniks at the end of the 19th – beginning of the 20th century. Based on the field materials collected by members of the Shevchenko Scientific Society, the author considers bailichkas about encounters with planetniks as realization of a plot about struggle of two parties against each other, where a planetnik might act either as the protector from hailstorms or, on the contrary, as a creature (in contrast to the impersonal, non-demonized element) bringing the storm forward, or as both – depending upon the class of characters it belongs to typologically. Remarking upon the peculiarities of Carpathian data in comparison to the neighboring Polish and Southern Slavic traditions, the author performs a typological classification of planetnik characters as found in the field data from the beginning of the 20th century (ordinary members of the community using common apotropaic magic; professional witch doctors; demonological characters *sui iuris*) and concludes that the typological variants of the planetnik might not come from a single original invariant but be, on the contrary, the outcome of the convergence of the invariants originally differing both typologically and dialectally. It is the dialectological analysis of Carpathian data that is proposed by the author as the cornerstone of their further study.

Keywords: the Carpathians, Ukrainian folklore, apotropaic magic, storm, hailstorms, Slavic demonology, Slavic mythology

For citation: Morris M-VV. Beliefs concerning *planetniks* in the Carpathian region at the end of the 19th – beginning of the 20th century. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;9:126-38. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-126-138

Введение

Планетникам (в Карпатском ареале в основном известным как *хмарники* или же *градивники*, *бурильники*) традиционно уделялось достаточно внимания в исследованиях украинской низшей мифологии, к примеру, сборниках полевого материала XIX – начала XX в. – на них в основном и будет опираться настоящий очерк (различные тома львовского «Этнографического сборника», собрание М. Драгоманова и др.). Однако, рассматривая труды членов Научного общества им. Т. Шевченко (далее – НТШ) и других исследователей, мы можем отметить, что, приводя обширный корпус нарративов, в которых участвуют планетники, они не вдаются в подробности типологического анализа. Именно в попытке приблизиться к таковому или, по крайней мере, поставить ряд актуальных для него вопросов, в свою очередь, и состоит основная цель настоящей статьи.

Итак, планетник, он же хмарник, представляет собой мифологический персонаж, чья основная функция – бороться с грозowymi и градowymi тучами, либо направляя их на определенную территорию, либо, напротив, спасая от них село.

Мифологическая ситуация, к которой принадлежат планетники, представляет собой сюжет о борьбе двух сторон – персонажу, отгоняющему тучу от поселения, противостоят сами тучи и непогодные явления, которые, в свою очередь, могут осмысляться двояко: либо как попросту природное явление, либо как результат деятельности «разводящего» их по небу мифологического персонажа (магического специалиста либо демонического существа).

При этом типологически ситуация отгона делится на три вида:

1) с тучей справляется любой член сообщества, применяя общеизвестные апотропеические средства. В этом случае он борется с тучами как с частью общих сил природы, никак не демонологизируемых;

2) отгон туч делегируется магическим специалистам – профессионалам. Противник (туча) может осмысляться либо как часть сил природы, либо как мифологический персонаж (особое демоническое существо или же такой же магический специалист);

3) отгон туч делегируется демоническому существу.

Сразу отметим, что третий вариант – когда персонаж, отгоняющий тучи, осмыляется как существо демонической природы – в карпатской традиции не встречается, что отличает ее от польской и южнославянских традиций. «Борцами» с ненастьем в карпатском материале выступают всегда либо простые люди, вооружившиеся апотропеическими средствами, либо магические специалисты.

Рассмотрим эту классификацию подробнее.

Планетник отгоняет тучу

В нарративах, где отгон туч связывается с общеизвестными апотропеическими практиками, в роли планетника может выступить любой член сообщества. Исполнение апотропеической функции в таких текстах привязано к предметному коду апотропея – к примеру, хлебу, соли и освященным ножу и скатерти:

...шоб град не випав, або грім, шоб, борони Боже, де часом не вдарив, – то скоро є скатерка, шо сім літ що року на великдень її посвящали, тею скатеркою тра хутній стола застелити, і тра, шоб був ніж сім літ свчаний: того ножа покласти на столі і покласти хліб, і сіль...

...чтоб град не выпал, или гром чтоб, сохрани Боже, где часом не ударил – быстро [достаётся] скатерть, что семь лет по году [подряд] на Пасху освящали, той скатертью нужно углы стола застелить, и нужно, чтоб был нож семь лет освящавшийся: тот нож положить на стол и положить и хлеб, и соль... [1 с. 24].

Перед нами апотропеическая ситуация, задействующая семантическую модель отгона опасности; железные предметы традиционно обладают в славянской (и не только) традиции отгонной семантикой [2 с. 115], также апотропеической является сама семантика острого. Аpellяция к сакральному (нож непременно должен быть освящен) также типична для апотропея, построенного на семантике отгона, – ср. с польским заговором, в котором градовые тучи должна отогнать святая Варвара [2 с. 119]. Хлеб использовался в качестве оберега от градовой тучи (в попытке задобрить ее кормлением) и у южных славян [2 с. 194]; не будем забывать и о колоссальной семантической нагруженности хлеба и соли как символов жизни и плодородия. Отметим также, что в некоторых нарративах для апотропея-отгона применяется выкидывание на двор сельскохозяйственной утвари – рогача, кочерги, лопаты, вполне типичное для славянской традиции [2 с. 116].

Также маркированным предметом выступает палка, которой нужно разнять жабу и гадюку; экстраординарное событие путем магии подобия сообщает особые свойства и инструменту – как гадюку отогнали от жабы, так и от желаемой территории отгоняются тучи:

...гадина їст жбибу і вона пищїт; та як хто озме палицу тай разборонит, то тоў палицў, кажут, шо мож хмари відгонитї.

...гадюка ест жабу и она пищит; так если кто возьмет палку и разнимет, то той палкой, говорят, что может тучи отгонять [3 с. 219].

При этом такому «планетнику по необходимости» не противостоит никакой демонической фигуры: туча в таких текстах осмысливается исключительно как неблагоприятное атмосферное явление, за которым не стоит ничьей личностной воли.

Куда чаще маркированным элементом апотропеической ситуации выступает не только и не столько предмет, сколько оператор – магический специалист. Согласно бытовавшим на Карпатах представлениям, магический специалист такого рода мог быть либо «ученым», либо «прирожденным». При этом «ученый» хмарник, если уж ему удалось овладеть соответствующим искусством, намного превосходит «прирожденного»:

То йи такі природжені хмарники, що він до того знає. <...> Наколи хмара надійшла начиста з градом... <...> ...то він зараз лиш рукою кине, покаже ї дорогу и і справит ї на друге село. А також йи такі люте, що і без природженого потрафит. Зараз як надійде нечиста хмара... <...> ...віносьи на двір свічену шутку, сіль, образ і той ї відверне в йіячий бік, так вона забирає сі далі.

Это есть такие природженные хмарники, что он до того знает. <...> Когда бы туча не подошла нечистая с градом... <...> ...то он сразу лишь рукой махнет, покажет ей дорогу и отправит на другое село. А также есть и такие лютые, что и без природженного сумеют. Сразу как подойдет нечистая туча... <...> ...выносят на двор освященную скатерть, соль, икону и тем и отвернет ей в бок, так она забирает себе дальше [3 с. 220].

Как можно видеть, в вышеприведенном тексте ученый хмарник вынужден, в отличие от природженного, оперировать предметным кодом апотропея, однако, будучи «ученым», применяет тот с более впечатляющим результатом. К тому же оператор уже явно выделен из общего круга членов сообщества и воспринимается именно как «хмарник» – иными словами, статус исполнителя как магического специалиста становится обязательной предпосылкой успешного использования апотропея.

Также в этом тексте интересен тот факт, что туча определяется как *нечистая* – хотя никакого существа, стоящего за ней, не персонифицируется, ей придается явно негативный и семантически нагруженный дескриптор. Запомним это на будущее.

Хмарник – магический специалист всегда маркирован. В качестве маркера может выступать как сугубо внешний признак (например, хмарник описывается как чернявый, мрачный человек [4 с. 253]), так и социальный статус – хмарники зачастую описываются как приближенные к пану или ксендзу. Маркеры иноэтнично-

сти / иного социального статуса часто связываются в украинской, да и вообще в славянской традиции с нечистой силой; близость к господскому двору либо к польской культуре подчеркивает близость описываемого к сфере колдовского (как мы увидим ниже, прямой контакт с нечистой силой нередко входит в непосредственные обязанности хмарника).

Интересен финал одной из быличек о хмарнике, где конюх, молодой человек лет пятнадцати, отворачивает град от полей:

... а він хлопцьи до двора, тай го перебрали, ўже го ўввили від коний тай зробили з него такого паничи, ўже більще не буў при коньох.

... а того паренька ко двору забрали, уже его увели от коней и сделали из него такого панича, уже больше не был при конях [4 с. 252].

Как мы видим, из магического специалиста, узнав, что он таковым является, «делают панича» – то есть в сюжете, где функция персонажа диахронически первична, а не постулируется одновременно с «отчуждающим» маркером, последний так или иначе вводится постфактум (и более того, эксплицитно постулируется как следствие функции персонажа как магического специалиста).

Говоря о магических специалистах, следует отметить, что сочетание функций хмарника и религиозного специалиста не только известно традиции, но и весьма частотно. Как уже упоминалось выше, хмарники могут служить ксендзу; например, наемный работник у ксендза, известный хмарник, не только не скрывает своего таланта от нанимателя, но и становится объектом похвалы – ксендз, когда съехавшиеся к нему в гости другие священники выражают неверие в то, что некто может превозмочь «божі силї», бьется об заклад, что хмарник докажет их неправоту. В самом деле, насмехавшиеся над хмарником «чужие» ксендзы проучены весьма жестоко – дубрава, на которую просили в целях эксперимента навести бурю, была практически вся вырвана с корнем [3 с. 221].

Однако нередко сами ксендзы выступают в роли хмарников:

Як небіщик ксьондз Стрийский ў Топоріўцех умер, дуже вітер буў і тучьи – бурьи, бо вони знали відвертати тучу...

Та от такі ксьонц оцей Михайлецкий, то такі годен відвертати хмару...

Как покойник ксендз Стрийский в Топоривцах умер, сильный ветер был и тучи – бури, потому что он знал отворачивать тучу...

Да вот такой ксендз Михайлецкий, то такой годен отворачивать тучу... [3 с. 223]

Иде, иде лісом, аж дивит сї – читає съвещеник книжку... А тот стаў за дерево и дивит сї. Дивит сї, аж тот съвещеник читає, читає – а то над озером він читає – а то озеро зачало поволи клеґати; зачела пінка бути... <...> ...Съвещеник каже: <...> пускати бурю на село...

Идет, идет лесом, и видит – читает священник книжку... А тот встал за дерево и смотрит. Смотрит, как тот священник читает, читает – а это над озером он читает – а это озеро начало волноваться, пошло пениться... <...> ...Священник говорит: <...> ...пускать бурю на село... [5 с. 121]

Как можно предположить, здесь проявляется не только общая тенденция народной культуры к наделению Другого демонологическими (в секулярном безоценочном смысле слова) свойствами, но и влияние польской традиции. Так, положительная связь планетников с церковной атрибутикой (в частности, колокольным звоном) хорошо известна в Польше, и этот же мотив встречается и среди рассматриваемых нами карпатских текстов. Ср. польские данные:

...звонили в лоретанский колокол, широко известный в католицизме и в православии, специально освященный против гроз, звук которого представляет собой молитву. Причем звонить следовало беспрестанно, поскольку перерыв мог вызвать месть планетника и внезапное градопадение... <...> ...в Бескиде Высовым думали, что звон придает планетникам сил, чтобы отгонять тучи [6 с. 9, 12].

И карпатский текст:

...коли показує ся градова хмара... <...> ...зараз треба бігти на дзвіницю і дзвонити. Є такі дзвони, що розбивають градову тучу.

...если покажется градовая туча... <...> ...сразу надо бежать на звонницу и звонить. Есть такие звоны, что разбивают градовую тучу [7 с. 161].

Следует также отметить, что атрибутом хмарника, даже не облеченного саном, может выступать знание службы Божьей, а богослужбные песнопения играют роль апотропея, как и колокольный звон:

Кажут, шо він знає піў служби божої; та як захоче відвертати, то говорит уперед тої піў служби.

Говорят, что он знает, [как] петь службу божью; и как захочет отвернуть, то говорит, наперед того пел службу [5 с. 125].

Апотропей в исполнении хмарника в чрезвычайной степени опирается на вербальный и акциональный код. Помимо «однолетних прутьев», стеблей соломы и прочих апотропеических предметов, хмарники практически всегда полагаются на слова и жесты, в особенности – на слова (и здесь мы встречаем, например, искажение молитвы «Отче наш» как собственно текст заговора):

...але виджу, що махає руками і промовийи.

...но вижу, что машет руками и приговаривает [3 с. 223].

Вни якось говорят пацір від кінця тай шче приговорюють щось.

Они как-то говорят «патер» с конца да еще приговаривают что-то [4 с. 252].

...бурівник вийшоў напротиў тих хмаріў, пирихристиў їіх і примовиў до них...

...бурильник вышел напротив тех туч, перекрестил их и примолвил им... [4 с. 253]

Однако встречается и нарратив, в котором хмарник покидает свое брненное тело и непосредственно вступает в конфликт со своим противником, ведущим бурю:

Кажут, шо низ него душе виходит. Як бурі наїйде, то він легає на землю и тогда душе из него виходит и иде у облаки тай завертає тих, шо ведут бурю.

Говорят, что из него душа выходит. Как буря найдет, то он ложится на землю и тогда душа из него выходит и заворачивает тех, что ведут бурю [5 с. 124].

Планетник наводит тучу

Планетник – магический специалист в карпатской традиции может выступать не только в качестве оператора апотропея, но и в качестве персонажа, нагоняющего градовые тучи:

...було два хмарники. Йиден другому хтіў нагнати хмару і казаў дзвонити ў дзвони на ту хмару. Хмара пішла на того обістю хмарника-другого. Він зачыў назад і завергати...

...было два хмарника. Один другому хотел нагнать тучу и сказал звонить в колокола на ту тучу. Туча пошла на тот двор хмарника-другого. Он начал назад ее заворачивать... [3 с. 223–224]

...один градівник відвернувши від свого села, наверне на друге, розумієть ся, де слабший градівник, і часом «віпре сі один на другим, моцуют сі: той хоче від свої гміни відвернути, а той від свої тай котрий душий, то переможе...

...один градивник, отвернув от своего села, навернет на другое, разумеется, где градивник слабее, и порой «упрется один в другого, меряются силой: тот хочет от своей гмины отвернуть, а тот от своей, и который сильнее, тот победит...

У нас була такі така, шо знала відвертати бурю <...> Тай так відвертала, шо такі відвернула, але уже из того таки пішла и зі сьвіта... <...> ...ї тот другий зробиў, загнаў ї такой туман у голову, шо она ніц не розуміла – и потому умерла...

У нас была такая, что знала отворачивать бурю <...> И так отворачивала, что таки отвернула, но уже из-за этого таки ушла и со свету... <...> ...ей тот другой сделал, загнал ей такой туман в голову, что она ничего не понимала – и потому умерла... [5 с. 124]

Также наводить тучу могут и собственно демонологические персонажи (как уже говорилось, в отличие от польской и южнославянских традиций, они только наводят ненастье, но не помогают от него защититься). В такой роли может выступать, во-первых, *нечистый*:

...то за тото гради бють – нечисті духи.

...это за то грады бьют – нечистые духи [3 с. 224].

Градом кидає нечистий.

Градом кидает нечистый [7 с. 161].

Як Чорнокнижники «дочитают» ся, шо вода в озері замерзне, тоді «збігнут сі ти Осинаўци и січут лід на крупы, а ти гіти, шо родят ся неживі, хапают тото у шкірені міхи и несут у хмари»...

Коли вже все вилаштують у хмари, тоді Чорнокнижник пускає Осинавця до сего призначеного і він «веде бурю»; він «комендирує», а інші сіють град.

Как чернокнижники дочитаются, что вода в озере замерзнет, тогда «сбегутся те осинавцы и секут лед на крупы, а те дети, что рождаются неживыми, набирают то в кожаные мехи и несут в тучи»...

Когда уже все перетаскают в тучи, тогда чернокнижник пускает осинавца до этого назначения и он «ведет бурю»; он «командует», а другие сеют град [5 с. 121].

Осиновец – это не кто иной, как собственно черт/демон, обычно пребывающий в осине [8 с. 552]. К тому же здесь мы встречаем и других демонологических персонажей, которые связываются традицией с управлением градовыми тучами – *мертворожденных детей*. В других нарративах функция ношения града сообщается также и грешным душам [3 с. 224].

Облик польского пана часто выступает в украинском фольклоре визуальным кодом для нечистой силы, поэтому ряд текстов, повествующих о явлении подозрительного шляхтича, который оказывается планетником, ведущим с собой градовые тучи, возможно, также можно причислить к этой категории:

Аж ту нараз сі похмарило, а шляхтич приходит на двері, вітворює двері до коршми...

Как тут сразу стало пасмурно, а шляхтич приходит к дверям, отворяет двери в корчму... [3 с. 222]

Надїздит з перед коршми пан білим конем...

Подъезжает к корчме пан на белом коне... [5 с. 123]

В некоторых текстах персонаж не имеет внешних либо поведенческих маркеров, позволяющих отнести его к нечистой силе / заложным покойникам, однако семантически нагруженные обстоятельства встречи позволяют, так или иначе, маркировать его как иномирное существо – однако вопрос его точной природы, по нашему мнению, остается открытым:

Тай дивит сі, а то на озері сидит 12 людей...

И он глядит, а на озере сидит двенадцать человек... [Впоследствии эти двенадцать человек выдают протагонисту официальную бумагу с подписью – что град на село навели они, а протагонист тут ни при чем.] [5 с. 121]

А ту входить чоловік, тай нікому нічо не каже, лиш до того бідного...

А тут входить человек, но никому ничего не говорит, только тому бедному... [3 с. 222]

При этом отметим, что отношения между двумя магическими специалистами практически всегда будут развиваться по схеме борьбы – вплоть до гибели одной из сторон. Ситуация взаимодействия магического специалиста с демонологическим персонажем также может принимать вид борьбы (см. пример хмарника-двоедушника выше), однако может также строиться и на началах коо-

перации – магический специалист либо управляет демонологическим персонажем (упоминавшиеся выше чернокнижники; один из ксендзов-хмарников [5 с. 121]), либо, по крайней мере, последний вступает с ним в договорные отношения (испрашивание у хмарника дозволения провести тучу определенным путем).

Заключение

Именно это расхождение в допустимых паттернах взаимодействия персонажей позволяет, на наш взгляд, ставить следующий вопрос: какой «вид» планетника в карпатской устной традиции не только более частотен (здесь, безусловно, преобладают магические специалисты), но и более архаичен? Не может ли кластер демонологических персонажей представлять собой не расхождение инварианта на варианты, но, напротив, сближение двух изначально различных инвариантов (к примеру, планетник – нечистая сила / покойник и планетник – персонаж низшей мифологии наподобие фэйри)?

С точки зрения «лоскутности» традиции важен еще географический принцип: подобные персонажи могут наличествовать в соседствующих традициях, и хотя мы и не можем включить диалектологическое исследование в рамки настоящего краткого очерка, важность диалектологического членения для нас очевидна, и дальнейшие изыскания будут посвящены именно диалектологическому анализу.

Таким образом, в попытках ответить на поставленный в заключении вопрос мы предполагаем, во-первых, картографировать рассматриваемый корпус текстов, а во-вторых, привлечь к анализу сравнительный материал из смежных традиций.

Возможно, это позволит прийти к некоторым выводам, до того неочевидным.

Автор выражает почтительнейшую благодарность за критические замечания и помощь в подготовке статьи своему научному руководителю профессору, доктору филологических наук Елене Евгеньевне Левкиевской.

The author expresses her most dutiful gratitude for critical remarks and help in preparing the article for her scientific adviser, the Doctor in Philology, Elena Evgenevna Levkievskaya

Литература

1. Малорусскія народныя преданія и разказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Киев: Типографія М.П. Фрица, 1876. 462 с.
2. *Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег: Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.
3. Етнографічний збірник: Знадоби до української демонології. Т. 2. Вип. 2. Львів: Друкарня Наукового товариства імені Шевченка, 1912. Т. 34. 280 с.
4. Етнографічний збірник: Знадоби до галицько-руської демонології. Львів: Друкарня Наукового товариства імені Шевченка, 1904. Т. 15. 272 с.
5. Матеріяли до української етнології. Видає Етнографічна комісія НТШ. Львів: Друкарня Наукового товариства імені Шевченка, 1909. Т. 11. 139 с.
6. *Гузьляк Г.* Планетники в оравских и подхалинских верованиях // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2 (8). С. 7–15.
7. Етнографічний збірник. Видає Етнографічна комісія Наукового Товариства імені Шевченка. Львів: Друкарня Наукового товариства імені Шевченка, 1898. Т. 5. 266 с.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка) / Под. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. 704 с.

References

1. Малорусскія народныя преданія и разказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Киев: Tipografija M.P. Fritsa Publ.; 1876. 462 с. (In Ukrainian)
2. *Levkievskaya E.E.* Slavic protection charm: Semantics and structure. Moscow: Indrik Publ.; 2002. 336 p. (In Russ.)
3. Етнографічний збірник: Знадоби до української демонології. Т. 2. Вип. 2. Львів: Друкарня Наукового товариства імені Шевченка Publ.; 1912. Т. 34. 280 с. (In Ukrainian)
4. Етнографічний збірник: Знадоби до галицько-руської демонології. Львів: Друкарня Наукового товариства імені Шевченка Publ.; 1904. Т. 15. 272 с. (In Ukrainian)
5. Матеріяли до української етнології. Видає Етнографічна комісія НТШ. Львів: Друкарня Наукового товариства імені Шевченка Publ.; 1909. Т. 11. 139 с. (In Ukrainian)
6. *Guźlak G.* Hobgoblins (planetniki) in beliefs of the Orawa and Podhale regions. *Perm University Herald.* 2010;2:7-15. (In Russ.)
7. Етнографічний збірник. Видає Етнографічна комісія Наукового Товариства імені Шевченка. Львів: Друкарня Наукового товариства імені Шевченка Publ.; 1898. Т. 5. 266 с. (In Ukrainian)

8. Tolstoi NI., ed. Slavic antiquities. The ethnolinguistic glossary. Vol. 3: K (Circle) – P (Quail). M.: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 2004. 704 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Мария-Валерия В. Моррис, кандидат юридических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; Россия, Москва, 119571, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; maire.morris87@gmail.com

Information about the author

Mariya-Valeriya V. Morris, LL.M., The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia; maire.morris87@gmail.com